

ности этого произведения. Ведь стиль и идейная сторона произведения теснейшим образом взаимосвязаны. Между тем, стиль „Моления“ почти не изучался. Изучались „заимствования“, „параллели“, источники осведомленности его автора, но не стиль. Удивительнейшим образом не обратил на себя должного внимания исследователей „Моления“ юмор этого произведения, элементы пародийности, ирония. „Серьезность“ исследователей доходила до того, что они называли заимствованиями из псалмов то, что явилось их пародированием, видели в иронии серьезнейшие интонации и т. д.

В дальнейшем главным аргументом в пользу нашего определения социальных воззрений автора „Моления“ будет служить самый стиль „Моления“.

* * *

„Моление“ Даниила Заточника в своей образной системе больше, чем какое-либо другое произведение русской литературы XI—XIII веков, опирается на явления русского быта.

Эти историко-бытовые черты в „Молении“ впервые были суммированы Д. В. Айналовым в его работе „Очерки и заметки по истории древнерусского искусства“.¹

Д. В. Айналов отмечает, что автор „Моления“ „очень ясно упоминает два строя полков: «на оступ» и «яко ловцы разсыпашася по земли». Эти два приема военной тактики, т. е. сражение строем и в разсыпную (конницы), хорошо известны из летописи, в которой встречается тот же термин «ступ», «оступишася» и из «Слова о полку Игореве»: «разсушась стрелами по чистому полю».

„В древнейших редакциях сообщаются некоторые сведения о железе, олове, меди. Примечательны термины: варить олово, искушать огнем золото, олово гинет (т. е. уменьшается в количестве от переплава), а железо нельзя варить. Из других бытовых терминов упомяну: углы опали (для старого деревянного строения термин, важный в том отношении, что «на углы» ставились как терема, так и деревянные храмы), солило (солонка), тенета, невод, кляпца (петля), соболю одеяла, мягкия постели, паволочито возглавие (т. е. шелковая длинная подушка для головы, известная по византийским и древнерусским живописным памятникам), небо полстяное и звезды лутовяныя (выражение, важное для описания украшений древних хоромов и палат, заслуживающее специального исследования). Такое выражение, как «долотити камень», указывает на знакомство с техникой обделки камня (впоследствии «выдолото» — инструмент долото — здесь является в таком же значении, как и «сечиво»). Ему известны: нога в лычнице и червлен сапог на боярском дворе, усерязь злат (золотая серьга), трость писца (книжника) скорописца (повидимому, в таком же значении, как и *καλαμος ταχυγράφος* в Византии). С другой стороны, только у Даниила Заточника находим наиболее точное определение паволоки: «паволока, испещрена многими шелки, красно лице являет». Слово «рай» он употребляет для обозначения фруктового сада вообще, а не библейского парадиза: «прекрасный рай многоплодовит». Он еще знает языческий «род» (и рожаницу?): «дети бегают рода, а господь пьяного человека». Ему известны румяна и зеркала, употребляемые женщинами. Наряду с такими выхваченными из жизни чертами быта особенного внимания заслуживают указания на гадание по псалтыри и на гусли,

¹ Известия ОРЯС АН, т. XIII, 1908, кн. I, стр. 352.